

Русское поле: взгляд из-за рубежа

В последних числах мая в Петербурге состоялась конференция «Русское поле: взгляд из-за рубежа» при поддержке Фонда Дж. и К. Макартуров. Организаторы (Центр независимых социологических исследований совместно с Европейским университетом в Санкт-Петербурге) пригласили зарубежных социологов и антропологов, проводящих исследования в России, поделиться своим исследовательским и повседневным опытом пребывания в «русском поле». Открытие и первый день конференции состоялись в Доме журналистов, остальные три дня прошли в конференц-залах Европейского университета.

Для академической коммуникации организаторы предложили участникам и аудитории целый набор конференционных жанров: тут была и пленарная сессия в качестве своеобразной интродукции с показом основных тем, которые развивались на секциях, и собственно секции, и круглые столы, и совместные трапезы и прогулки. Состоялась и презентация нового журнала — журнала социальных исследований “Laboratorium”, представленного его глав-

Жанна Владимировна Кормина
Государственный университет —
Высшая школа экономики
(Санкт-Петербургский филиал)
kormina@eu.spb.ru

ным редактором Михаилом Габовичем, имеющим богатый опыт руководства одним из самых успешных русскоязычных интеллектуальных периодических изданий («Неприкосновенный запас»).

Необычным был выбор языка конференции: это был русский, неродной для значительной части докладчиков. Как сказал в своем вступительном слове организатор и глава Центра независимых социологических исследований Виктор Воронков, обращаясь к участникам, «мы решили заставить вас говорить на том языке, на котором вы говорили в поле». Надо сказать, что большинство выступавших с честью справились с поставленной задачей. Правда, для немалой части участников конференции русский язык является родным; по возникшей в ходе дискуссий классификации они были отнесены к категории «гибридов» (см. об этом ниже). Среди пяти пленарных, т.е. самых важных или наиболее репрезентативных, по замыслу организаторов, докладчиков двое — Алексей Юрчак и Николай Ссорин-Чайков — антропологи российского происхождения, получившие докторские степени в США и преподающие, соответственно, в Беркли и Кембридже. Юрчак в докладе «Генеалогия “русского поля” после холодной войны» рассказывал о том, как в США появились и институционализировались советологические исследования, и дал обзор современных англоязычных монографий по этнографии социализма. Ссорин-Чайков обсуждал проблему трудностей перевода англоязычного пост-фукианского научного дискурса на русский язык и обратил внимание, в частности, на то, что значение концепта «власть» не совпадает с английским “power”.

Преодоление дистанции между российскими и зарубежными исследователями было обозначено организаторами как проблема, ради решения или хотя бы обсуждения которой и была устроена конференция. Неудивительно, что именно вопрос границ внутри профессиональных сообществ (сообщества?) стал одним из самых дебатруемых. Мэри Маколи (Кингс колледж, Великобритания), например, утверждала, что поколение «новых русских социологов», пришедшее в 1990-е гг., ничем не отличается от британских социологов. Соня Чуйкина (ЦНСИ) также отмечала, что противопоставление «русская» vs «западная» наука умозрительно и не отражает действительной ситуации. Российское социологическое сообщество конфликтно, части отечественных социологов проще общаться с западными коллегами, чем с отечественными. Вполне ожидаемо встал вопрос о том, что такое «Запад» и кто такие «западные исследователи», обитающие, в частности, в обзорах литературы к кандидатским диссертациям? Кажется, Юлия Лернер (Университет Бен Гуриона, Иерусалим, Израиль) в одном из своих, как

всегда ярких выступлений в прениях предложила термин «гибрид» — для тех коллег, кто имеет российское происхождение и/или говорит на русском как родном, но получил образование и живет в другой стране. Как выяснилось, с определением себя как «западных» ученых не были согласны и коллеги из Восточной Европы.

Вопрос о бремени национальной (этнический) идентичности ученого возникал в докладах и дискуссиях неоднократно; он стал центральной темой круглого стола «Умом Россию не понять?..» — собравшего, к слову, более 100 человек аудитории. Дискуссия обозначила две полярные позиции: согласно одной, освобождение от этого бремени способствует повышению профессионализма социального исследователя (Михаил Габович); согласно второй, ее — точнее рефлексию о ней — следует включать в исследовательский инструментарий (Олег Паченков, ЦНСИ) социолога/антрополога/политолога. Прозвучало и мнение о том, что все присутствующие, просто в силу профессиональной принадлежности, находятся в разной степени освобождения от своей русскости. Смелое заявление; добавлю от себя, что нашлось бы немало отечественных коллег — из тех, о ком говорила Чуйкина, — кто мог бы посчитать всех говоривших опасными прозападными гибридами (если бы вдруг пришел на эту конференцию).

Гораздо менее важная в контексте случившихся дискуссий, но все же обозначающаяся временами граница — между антропологией и социологией (качественной, в рамках которой работают сотрудники ЦНСИ). Некоторая разница в предпочтении тех или иных полевых методов, в дизайне исследования, его менеджменте и эстетике заметны. Любопытно, что, скажем, традиционные для исследователей-полевиков вопросы этики поворачивались неожиданной (для антропологической дискуссии об этике; см. об этом один из номеров АФ) стороной: вместо того, чтобы обсуждать ответственность перед информантами, говорили об этичности «западных» ученых по отношению к местным ученым, иначе говоря, о научном колониализме. Иными словами, я ожидала, что «поле» — это про технологии выращивания урожая и борьбы с вредителями, а оказалось, что «поле» — это про то, кому достается этот урожай. Я объяснила себе собственное незнание с практиками научного колониализма особенностью антропологического поля, ориентированного прежде всего на метод включенного наблюдения, требующий личной работы в поле, в то время как социологи чаще работают группами.

На конференции были представлены не только разные жанры устной академической коммуникации, но и разные исследова-

тельские традиции, дисциплинарные и национальные. Бурную дискуссию вызвал доклад Марлен Ларюэль (Школа высших социальных исследований, Париж), изучавшей «патриотические практики» в патриотических клубах Санкт-Петербурга. Члены этих клубов заявляют о себе как о патриотах страны, т.е. общества, а не государства, которое устойчиво ассоциируется с такими явлениями, как бюрократия и коррупция, так что существующие «патриотические практики» (или то, что авторы посчитали таковыми) совершенно не соответствуют официальному дискурсу патриотизма. Дискуссия возникла вокруг сформулированного в докладе понятия «нерадикального национализма». С понятным энтузиазмом были встречены выступления Кати Гроте (Университет Гумбольдта, Берлин) об отстаивании права на приватное пространство в коммунальной квартире и Отто Хальбека (Институт Макса Планка, Халле) о функционировании такого советского по своему происхождению института как Дом культуры в постсоветском контексте. Гроте, продемонстрировавшая возможности метода рефлексивной этнографии, показала, что право на приватность постоянно дебатруется во взаимоотношениях хозяйки (живущей в сдаваемой квартире) и жильцов. Хальбек рассказал, как этнографически можно изучать постсоветские трансформации. Частично созвучным выступлению Отто Хальбека было сообщение венгерского антрополога, тоже сибиревода, Иштвана Санта «Показуха — модель поведения в Курумкане (восточная Бурятия)». Венгерские антропологи традиционно изучают народную культуру Сибири (в частности, шаманизм); Иштван в своем докладе призвал не бояться выбирать «неаутентичное» в качестве объекта исследования. Сам он интервьюировал «активистов» — местных интеллигентов, которые охотно выполняют представительские функции, якобы им делегированные. В действительности же они выступают от лица государства, а не своего народа, и этим-то и интересны.

Большой интерес аудитории вызвал доклад хельсинкского исследователя Маркку Лонкила «Домашний дух IT-капитализма». По результатам опроса IT-менеджеров российских компаний он пришел к выводу о том, что для бизнеса социальные сети, предполагающие отношения доверия, и этика взаимопомощи являются мощным ресурсом. Лонкила называет эту характерную особенность российского бизнеса феноменом «домашней этики» и противопоставляет ее свойственной, например, финскому бизнесу «этике самостоятельности». Исключительно интересным было сообщение Юлии Лернер, показавшей результаты своего исследования по адаптации импортированного из американской психотерапевтической культуры концепта «self» в постсоветской масс-культуре. Материа-

лы сайтов знакомств, телевизионных шоу, биографических интервью и популярной «self-help» литературы позволяют сделать выводы о том, что психологическая поп-культура американского происхождения оказалась перенесенной на почву, в которой отсутствуют базовые элементы так называемой культуры эмоционального капитализма, включая центральный для нее концепт “self”. Вместо них существуют альтернативные постсоветские дискурсы субъективности, или эмоциональной культуры, генетически, по мнению докладчицы, восходящие к литературе XIX в.

Кроме названных, были и другие замечательные доклады, но даже важнее их была атмосфера, пронизанная духом сотрудничества и здоровой конкуренции, обязательных для нормальной жизни академического сообщества.

В общем, конференция, безусловно, удалась. Кто-то, листая живописно изданную брошюру с тезисами конференции (с фотографией туалета в чистом поле на обложке), назвал происходящее «пир духа». Да, пир. Вкусного было много и меню составлено с толком. Ну а с тем, что была во всем этом действе известная доля нарциссизма (как точно заметила одна известная социолог), приходится согласиться — назовем это стилем и посмотрим, что будет дальше.

Жанна Кормина